ГРЯЗЬ

Я вернусь к тебе, Русь бездорожная,
Встретит осень сапожною сыростью…
Лес, низина, увязну я дрожками —
Остаётся взывать к Божьей милости.
А дорога, как в язвах, — в ухабинах,
Раскисает, корёжится, крутится,
Изувечена вся, испохаблена
Деревенской осенней распутицей.
Лошадёнка дождями исхлёстана,
Жидконогая, да худосочная,
уж не сдюжить ей грязь подколёсную,
(Не суди, захолустная вотчина)!
Поскользнётся, да в жижу разъезжую
Поползёт, будет чавкать копытами…
Ни назад, ни вперёд — «ну, хоть режь её»,
Две версты для неё станут пытками.
Две версты ей покажутся вечностью,
Жёлто-сизою и безликою…
Торопить будет день скоротечностью
И кровить предзакатными бликами.
От бессилья слезина покатится —
Лошадиный предел безысходности…
Тонет жизнь, как в грязи, в неурядицах:
«Как тут век прослужить? — хоть бы год снести!
…….
Выпрягал и тащил бедолажную
(Дал к упрямству Господь силу воли мне),
И оставив повозку с поклажею,
Утопая в грязюке по голени,
Чудом вышли!.. Гигантской горошиной
Солнце пало на слякоть осеннюю…
Только плача, на упряжи брошенной,
Колокольчик взывал о спасении…

ПСКОВ

Ветхозаветная Божия тишь,
Псков, куполами церквей, будто шлемами,
в небо врастаешь и пристально бдишь,
Русь охраняя от пришлого племени
войск иноземных... Встаёт над водой

Крепость — грудь витязя — не одолеть её.
Двадцать веков — Псков ещё молодой,
В пору бы справить совершеннолетие.
Барс на гербе, свыше Божеский перст,
Ты, страж Руси — больше спрашивать не с кого…
Северо-западный щит её, крест
С образом иконописного Невского!
Жалко, что тленна письмен береста,
Люд позабыл твою дату рождения...
Город — ровесник Иисуса Христа,
Видно божественно происхождение!

ДЕРЕВЕНСКАЯ МУЗА

С. Есенину и поэтам деревни посвящается

Где-то в мареве лет распахнулась,
Заприметилась в памятном дне
Васильками пропахшая юность
В деревенской глухой западне.
Я в плену эпохального мира,
Ночи мне романтичны в стогах,
Где звучит «сеновальная» лира
У веснушчатой Музы в руках.
Может, греческих Муз и не нужно? —
Коль от русских теряешь покой...
Сколько их на селе, незамужних? —
И одна распрекрасней другой!
Девке дай сарафан да кокошник —
Душу разбередит под гармонь!
Ой, найдётся ли Муза роскошней? —
Если пышут в ней страсть да огонь,
Зной любви, ругань, святость причастья,
Счастья реки, желаний пески...
Боже, как это мне в одночасье
Бедолажно взвалить на мозги?!
Ведь от Бога у русской Эрато
Суть и стать есть, и кровь с молоком —
Вдохновение нашему брату
С ностальгией к серпу с молотком,
Да к просторам звенящего луга,
К шепелявому свисту косы
В геометрии полукруга
С километрами полосы!
Взять бы Музу, подальше забраться

В ту беспутную рожь у реки,
Где любовь расстилает убранством
Голубые до слёз васильки,
Где строка глубока и капризна,
Как стремнина в слиянии рек
Деревенского имажинизма,
Что уносит в Серебряный век!
Верьте в Муз! И божественным светом
Снизойдут с васильковым дождём
В души к вам, деревенским поэтам,
К тем, кто в русской глубинке рождён.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Это слово мне послано свыше,
Ибо ходит за мною, преследуя,
От рожденья в затылок мне дышит,
Но готов с ним идти на край света я!
В полном смысле — мой ангел-хранитель
С незабвенной душой — до молчания…
Дюжей силушки (если хотите)
И терпения до нескончания!
В этом слове найдёте былинность,
Звон цепей, ломоть хлеба насущного,
Удаль, волю, и меч, и повинность,
И любовь на всю жизнь, что опущена!
Это слово — мне крест и нагрузка,
Грубо, дерзко и где-то ругательно…
Но горжусь прилагательным РУССКИЙ,
Что оно и ко мне прилагательно!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Мне ссыльные ветры накаркают зиму,
На крыльях вороньих снега принесут,
В садах омертвелые яблоки снимут…
О, глушь, где не властны ни царь и ни суд.
Где путник версты без ружья не проедет,
Где волки лютуют, конины вкусив,
И лихость — верхом (лучше ехать в карете) —
В дороге умей выживать на Руси!
Деревня. Уж в прошлом Одесские пляжи,
Свет, женщины, карты, интриги, раздор…
Здесь только метель светской ведьмою пляшет,

Избрав мне тюрьмой родовое гнездо.
На вотчину сослан, живу под арестом,
Лишь душу мою бередит Купидон,
Вручая туза, да не червы, а кресты,
Чтоб мнился «казённым» родительский дом.
Вперёд мне наука, и ныне, и присно —
Вскрывают на почтах депеши к друзьям!
Жизнь учит писать осторожные письма,
Нас — вплоть до острожных цепей или ям.
Но местный мужик здесь не ропщет, не клянчит:
Разбой на дорогах — страшнее суда...
Так пусть же трясутся почтовые клячи,
Раз в месяц по службе заехав сюда,
Где пахнут дремучестью первые снеги,
Край полон истории, сказок и снов...
Ещё не закончен «Евгений Онегин»,
Уж лёг под перо мне «Борис Годунов».
Здесь Музы невольно мой ум осеняют,
Полезной мне станет моя кабала…
Нет, псковскую глушь ни на что не сменяю,
Какой бы дремучей она ни была!

* * *

Я ещё не прильнул к мёду славы,
Не искусан жужжащей молвою,
Не венчались ни тёрны, ни лавры
С бесшабашной моей головою.
Погрузился в стихи я, как в омут,
Как в бездонную чашу похмелья...
Мои мысли то стынут, то стонут,
То оркестром звучат, то капелью,
То бессчётными стрелами тают
В синеве, отзвенев тетивою,
Пусть туманная цель, но святая,
Без которой нет смысла в покое,
От которой морозец по коже…
Я творю, нелюдимый, небритый,
Как Булгаковский мастер, быть может,
Слепо веря в свою Маргариту.
Пусть реальность мне вылезет боком,
Раж пройдёт, сединою покроюсь:
— Где ж покой?— между чёртом и Богом? —
Только вряд ли я там успокоюсь.

Что ж, корите — привык к укоризне,
Дифирамбы скучны мне, поверьте.
Славно мне и без славы при жизни,
Да и прока в ней нет после смерти.

МЫС «АЮ-ДАГ»
(Медведь-гора)

Медведь, чьи скалы до небес достали,
Всё спорит с камнепадною судьбой.
Состарился, подножия устали
Сносить набеги, что чинит прибой.
Из года в год — утрата за утратой,
Теряет плоть от пагубных секунд.
За стойкость в жизни — вечная расплата —
Морщины лоб неистово секут,
Из трещин бризы выдувают землю,
А море гротами калечит грудь…
Ревёт Медведь от боли: «Не приемлю,
Всех вас аморфных, в ком гнилая суть!
Я ненавижу снег за то, что тая
Предательски, ручьями на спине
Смывает почву. Голая, пустая
Уж каменная плешь блестит на мне.
А люди — словно рана ножевая
Кремнёвой, но чувствительной души…
Она всё стерпит, словно неживая,
Всю боль разрухи, сколько не круши.
Опять какой-то камень канул в Лету —
Попал бедняга на язык волны.
Пять тысяч лет висел, а нынче нету —
Исчез с анахронизмом старины».
Ворчит косматый и, с природой споря,
Пожить намерил тысячу веков,
А заодно намерен выпить море —
Гласят нелепые сказанья стариков.
— Вздремни, Медведь, Вулкана сын по крови,
Пусть в жилах пульс бьёт ключевой рекой!
Весна пуховым облаком укроет,
Чтоб снился глыбе каменный покой.

3 АВГУСТА 1921 ГОДА

(В одну ночь Россия утратит двух великих поэтов Серебряного века)

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног…
Марсельеза.

Марсельезу руинам поёт Петроград —
звездопадная прервана ночь…
Встанет солнце рубином в пять тысяч карат,
«красный ад» на Руси превозмочь!
Век двадцатый безжалостно рубит с плеча,
он безбожен, он к власти ревнив...
Революции меч жаждет рук палача,
во всех тяжких царя обвинив...
Русь пытают то «белым», то «красным» огнём —
«польский мир» и «кронштадтский мятеж»,
и сплетался терново-стальной окаём
подле веры и шатких надежд!
Две ярчайших Звезды в эту ночь упадут:
Гумилёв и, в мгновение, Блок!
Знать, готовы два места им в райском саду,
но пока что в сомнениях Бог...
И висит пустота, и уже ни строки
не оставит ни тот, ни другой:
эта ночь Гумилёва возьмёт «за грудки»,
бросит в «белый» тюремный покой!
Блок не встанет с предсмертной постели своей —
бред удушлив, безумством цветаст,
в нём сгорать будет Фениксом несколько дней
и в агонии душу отдаст...
В Петрограде стрельба, голод, страх и раздор,
смуту конная жалует плеть...
Что Георгия крест? — Есть в «Крестах» коридор,
там, где «контру» не станут жалеть!
Двадцать дней в Гумилёве сидел Ахилес...
Бросив следственную кутерьму,
подрастрельных машиною вывезут в лес,
в безымянно-могильную тьму...

P. S.
В Мариинке — Шаляпин и вновь болеро,
«Дон-Кихот» — мирных душ оберег,
где в стране: три войны, НЭП и план ГОЭЛРО,
и цветущий Серебряный век!

ЛИСТ

Сыро на душе, безлико, муторно,
Зябкий вечер беспредельно мглист,
И в холодной белизне компьютерной
Третий день бездельничает лист.
Он режимно спит, и с ним «совею» я —
Пауза рождает немоту,
То он вздрогнет от прикосновения,
Вновь забрежжит (ждать ему невмоготу)...
К мониторной пустоте да чаю бы,
Здесь полезно подсластить мозги —
Стимул дать башке, где изначально был
Ворох поэтической лузги.
Строки от святого и до пошлого,
Рифмочки, поросшие быльём,
Память — склад штампованного прошлого,
Пахнет нафталиновым бельём!
Не хочу зависеть я от случая,
Мне ли ставить скучное на кон! —
Словарями ненавистно мучаю,
Плотно сбитый в кучу лексикон.
Я пока не кинул якоря ещё,
В море лени стих не уморю —
Видно, лист с экрана укоряюще
Действует на психику мою!
Он, в томленье, белью непочатою
Виснет в неминуемом огне...
Даже если бред я напечатаю,
Станет легче — и ему, и мне!